

Война Владимир

**Я, Гай Юлий
Цезарь. Мемуары
о рождении
Империи**

Война Владимир

**Я, Гай Юлий Цезарь. Мемуары
о рождении Империи**

«Автор»

2026

Владимир В. В.

Я, Гай Юлий Цезарь. Мемуары о рождении Империи /
В. В. Владимир — «Автор», 2026

Гай Юлий Цезарь — полководец, политик, писатель, человек, изменивший ход мировой истории. В этих мемуарах он сам рассказывает о своей жизни: о беспощадных войнах в Галлии, о переходе через Рубикон, о схватке с Помпеем, о египетской царице Клеопатре и о последних днях Республики, на обломках которой поднимется Римская империя. Это не сухая хроника, а живая исповедь: Цезарь размышляет о природе власти, цене побед, предательстве союзников и одиночестве человека, который взошел слишком высоко. Его голос звучит через две тысячи лет — твердый, ироничный, пронизательный. Голос, который не смогли заставить замолчать даже кинжалы заговорщиков. Книга, написанная от первого лица, объединяет документальную достоверность с художественной реконструкцией, позволяя читателю увидеть великую эпоху глазами ее главного героя.

© Владимир В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Война Владимир Я, Гай Юлий Цезарь. Мемуары о рождении Империи

Глава

Глава 1. Три части Галлии

Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. Это известно каждому римскому купцу, который хоть раз добирался до Массилии или до границ нашей Провинции, но одно дело — знать это понаслышке, и совсем другое — увидеть своими глазами, как я видел, стоя на берегу Родана и глядя на заснеженные вершины Альп, оставшиеся за спиной. В одной из этих частей живут Белги, в другой — Аквитаны, в третьей — те племена, что на своем языке зовутся Кельтами, а на нашем — Галлами. И хотя для человека, не покидавшего Рима, все они — варвары, различия между ними глубже, чем между италийцем и греком. Это как сравнивать волка, медведя и лису: все они хищники, но у каждого свой норов, свои повадки, и охотиться на каждого нужно по-своему.

Границу между Галлами и Аквитанами проводит река Гарумна, широкая и мутная, несущая свои воды с Пиренейских гор. Галлов от Белгов отделяют Матрона и Секвана. Но не думайте, что эти реки — лишь линии на карте, которые можно перейти вброд или по мосту. Нет, это границы духа. Варварские народы не признают иных рубежей, кроме тех, что создала природа, но эти рубежи значат для них больше, чем для нас — стены наших городов. За каждой рекой начинается иной мир, иные боги, иная судьба.

Из всех этих народов храбрейшие — Белги. Я говорю это не для того, чтобы польстить им или оправдать будущие победы над ними, а потому, что это правда, проверенная на поле боя. И причина их храбрости проста и жестока. Они живут дальше всех от нашей Провинции, от того, что мы зовем культурой и цивилизацией. Наши купцы редко добираются до их земель, а если и добираются, то не везут туда ничего, кроме того, что может размягчить душу воина: вино, льняные ткани, украшения, благовония. Белги не знают этой роскоши, а потому не знают и изнеженности, которая неизбежно следует за ней. Они граничат с Германцами, живущими за Реном, с которыми ведут войну непрерывную, из поколения в поколение, и эта война — их школа. Каждый день для них — учение, каждая ночь — ожидание набега. Так закаляется сталь, и так закаляется народ.

Гельветы — другое племя, о котором следует сказать отдельно. Они тоже превосходят прочих Галлов храбростью, и по той же причине: их земля почти ежедневно омывается кровью. Они воюют с Германцами, либо обороняя свои границы, либо сами вторгаясь в чужие земли. Их страна стиснута со всех сторон: с одной стороны — широкий и быстрый Рен, с другой — высокий хребет Юры, с третьей — Леманское озеро и Родан, та самая река, что отделяет их от нашей Провинции. Это теснота не только географическая, но и духовная: народ, стесненный в земле, неизбежно ищет выхода — либо в войне, либо в переселении. И то, и другое рано или поздно приводит его к столкновению с Римом. Так и случилось с гельветами, и об этом я расскажу далее.

Что до области, которую занимают собственно Галлы, то она начинается от Родана и тянется на север, окаймленная Гарумной, Океаном и землями Белгов. Со стороны Секванов и Гельветов она доходит до самого Рена. Эта земля — сердце Галлии, и тот, кто владеет ею, владеет всей страной. Не потому, что она богаче прочих (хотя и это верно: ее поля плодородны,

леса полны дичи, а реки — рыбы), а потому, что через нее проходят все дороги, все торговые пути, все тропы войны. Кто стоит в центре, тот видит всё. Кто владеет центром, тот может диктовать свою волю окраинам.

Белги занимают земли от дальних пределов Галлии до нижнего течения Рена, обращенные к северу и востоку, к тем холодным морям, где солнце встает поздно и светит тускло. Аквитания простирается от Гарумны до Пиренейских гор и той части Океана, что омывает берега Испании. Это деление я заучил наизусть, как заучивают карту перед походом, и оно стало основой всех моих кампаний. Ибо, чтобы победить страну, нужно сначала понять, из каких частей она состоит, как эти части относятся друг к другу и где проходит трещина, по которой можно расколоть целое.

Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что в этом простом разделении уже была заключена вся история Галльской войны. Белги на севере — храбрейшие, но разрозненные. Аквитаны на юге — многочисленные, но не привыкшие к большой войне. А в центре — Кельты, раздираемые внутренними распрями, вечно колеблющиеся между Римом и свободой, между союзом с нами и мечтой о собственном царе. И гельветы, этот воинственный народ, стиснутый горами и реками, который рано или поздно должен был попытаться вырваться. Так оно и вышло.

Я помню тот день, когда впервые увидел карту Галлии — не на папирусе, а глазами, с высоты седла, под холодным ветром с Альп. Тогда я еще не знал, сколько лет мне предстоит провести в этих землях, сколько битв принять, сколько городов сжечь и сколько вождей победить. Но я уже тогда понял одно: Галлия — это не просто территория, которую нужно покорить. Это испытание, которое нужно пройти. И пройти его можно, только зная, из каких частей она состоит, чем дышит каждая из них и как заставить эти части служить тебе, а не врагу.

Теперь я начинаю рассказ о том, как все началось. О том, как гельветы задумали переселение, как во главе их встал человек по имени Оргеторикс, и как судьба привела меня к берегам Родана, где решилась участь всей войны. Но об этом — в следующей главе.

Глава 2. Оргеторикс и гельветский заговор

Среди Гельветов первое место по знатности рода и по богатству занимал Оргеторикс. Я никогда не видел его живым — к тому времени, когда я впервые вступил на гельветскую землю, он уже был мертв, и прах его, смешанный с землей, развеял ветер. Но следы его деяний были повсюду. Он был из той породы людей, что рождаются не для мира, а для смуты, не для созидания, а для заговоров. Такие люди, как он, появляются в каждом народе в переломные времена, и народы, вместо того чтобы распознать в них гибель, возносят их и следуют за ними до самого края пропасти.

В год консульства Марка Мессалы и Марка Пизона, то есть за три года до моего проконсульства, Оргеторикс задумал стать царем. Не вождем, не старейшиной, не первым среди равных — а именно царем, каким бывают цари у восточных народов, где власть передается по наследству, как вещь, как скот, как рабыня. Гельветы не знали царской власти — у них правили советы знати, собрания воинов, и каждый знатный род держался за свою независимость. Но Оргеторикс был честолюбив сверх меры, а честолюбие, если оно не находит выхода, пожирает человека изнутри и толкает его на безумства.

Он не мог объявить себя царем открыто — его бы убили. Гельветы, как и все Галлы, не терпят тех, кто слишком явно стремится к единоличной власти. Они помнят, что бывает с теми, кто пытается возвыситься над остальными: таких они либо изгоняют, либо сжигают в плетеных идолах, принося в жертву своим богам. Поэтому Оргеторикс избрал окольный путь — путь, который до него избирали многие и который после него будут избирать снова и снова, ибо неистребим в человеке этот порок: искать личной власти под видом заботы об общем благе.

Он убедил Гельветов покинуть их земли. Убедил — это слишком слабое слово. Он вложил им в души мечту. Он сказал им: «Ваша земля тесна. Ваши горы давят на вас, ваши реки — стены, за которые не выйти. Вы храбрейшие из всех Галлов, и ваша доблесть достойна луч-

шей доли. Вся Галлия открыта перед вами. Стоит лишь пожелать — и она будет вашей. Идите, завоюйте плодородные равнины, богатые города, пахотные земли, где хлеб родится сам, без труда, и где вино течет рекой. Разве не этого вы достойны?»

И они поверили. Потому что человеку, живущему в бедности и тесноте, всегда сладка мысль о чужом богатстве. Потому что народу, утомленному вечной войной, кажется, что где-то есть земля, где войны нет. Потому что слова вождя, сказанные вовремя и с уверенностью, действуют на толпу сильнее, чем трезвый расчет и голос разума. Гельветы уже давно считали свои земли тесными для своего многочисленного народа, уже давно чувствовали, что их слава не соответствует их владениям. Оргеторикс лишь дал голос этому глухому недовольству, придал ему форму и цель.

Три года они готовились. Три года жили одной мыслью — уйти. Три года собирали быков и телеги, сеяли хлеб больше обычного, чтобы было что взять с собой в путь, копили оружие, заключали союзы с соседними племенами. Они убедили Раураков, Тулингов и Латобригов — соседние племена, жившие по берегам Рена, — присоединиться к ним. Те согласились, потому что видели в этом походе легкую добычу и новые земли, потому что у них не было причин оставаться, и потому что общий порыв захватывает даже тех, кто сомневается.

На третий год подготовки Гельветы торжественно сожгли свои города — двенадцать городов и около четырехсот сел. Я видел потом эти пепелища — черные круги на земле, остатки стен, обугленные балки. Сожгли и весь хлеб, который не могли унести с собой, чтобы отрезать себе путь назад, чтобы ни у кого не осталось соблазна вернуться. Этот поступок поразил меня своей жестокостью и решимостью. Сжечь то, что строили поколения, уничтожить то, что кормило их отцов, — на это способен только народ, доведенный до отчаяния или обманутый великой ложью. Гельветы сожгли свои дома и вышли в путь, как выходят в открытое море моряки, сжигающие за собой корабли: обратного пути нет, только вперед.

Они собрали с собой провианта на три месяца — муку, сушеное мясо, бобы, соленую рыбу. Взяли жен, детей, стариков, весь скот, все имущество, какое могло поместиться на телегах. Их обоз растягивался на мили. Они шли не как войско, а как целый народ, снявшийся с насиженного места и ищущий нового отечества. Такое переселение — не поход, а исход, и он всегда несет с собой голод, болезни, смерть.

Пока Гельветы готовились, Оргеторикс плел свою паутину дальше. Он понимал, что одного гельветского войска мало, чтобы завоевать всю Галлию. Ему нужны были союзники — не подчиненные, а равные ему по честолюбию вожди других племен, которые мечтали о том же, о чем мечтал он: о власти над своими народами. И он нашел их.

Он убедил Кастика, сына Катаманталееда, Секвана, захватить верховную власть над своими соотечественниками. Отец Кастика долгое время был царем Секванов, но потом лишился власти, и молодой человек жаждал вернуть себе отцовское наследство. Оргеторикс обещал ему помощь гельветского войска. Они скрепили уговор клятвой.

Затем он обратился к Думнориксу, брату Дивитиака, Эдую. Думнорикс был из тех людей, о которых я скажу позже много и отдельно, ибо судьба надолго связала меня с ним. Он был молод, красноречив, щедр, честолюбив и ненавидел Рим лютой ненавистью. Он мечтал о царской власти над Эдуями — сильнейшим племенем Галлии, которое Рим называл своими братьями и союзниками. Оргеторикс отдал ему в жены свою дочь — этим браком он связал их не только клятвой, но и кровью, ибо для Галлов нет уз крепче, чем родственные.

Три вождя — Оргеторикс, Кастик и Думнорикс — поклялись друг другу, что после завоевания Галлии они станут править ею втроем, разделив власть и земли между собой. Они верили, что им под силу то, что не удавалось никому: объединить Галлию и сбросить ее в пучину великой войны. Они не знали, что судьба уже наметила им иной путь.

Но у Галлов есть обычай: если кто замышляет переворот, его судят. Гельветы узнали о заговоре Оргеторикса — вероятно, от кого-то из его собственных людей, ибо нет тайны,

которая рано или поздно не выплывет наружу, особенно когда замешаны трое и у каждого из них десятки слуг и родичей. Его заключили в оковы, по обычаю, и назначили суд. Если бы его признали виновным, его сожгли бы заживо.

Но Ораторикс был не тот человек, который сдается без боя. В день суда он привел с собой всех своих домочадцев, родственников, клиентов и должников — всего около десяти тысяч человек. Этим множеством он не только защитил себя от суда, но и бежал. Он ушел из-под стражи, окруженный своими людьми, как уходит из окружения войско, проложившее себе путь мечом.

Он мог бы остаться жить, мог бы скрыться у друзей, мог бы найти убежище у Германцев, как делали многие изгнанники. Но вскоре он умер. По слухам, он сам наложил на себя руки, видя, что дело его погибло и что ни Гельветы, ни союзники не простят ему обмана. Так уходят из жизни те, кто взошел слишком высоко по лестнице честолюбия: падая, они не останавливаются до самой смерти.

Смерть Ораторикса не остановила Гельветов. Они уже сожгли свои города, уже собрали войско, уже стояли на границе нашей Провинции, глядя на юг, где лежали земли, по которым им предстояло пройти. Им нужна была дорога. Их было — как стало известно из списков, найденных позже в их лагере, — триста шестьдесят восемь тысяч человек, включая женщин, детей и стариков. Это не войско, а целый народ, пришедший в движение.

Впереди у них было два пути. Первый — через земли Секванов, между горой Юрой и рекой Роданом: узкая тропа, где телега едва проходит, где скалы нависают над головой, и где сотня воинов может удержать целую армию. Второй — через нашу Провинцию, где Родан во многих местах проходим вброд, где дороги широкие и удобные, и где жили Аллоброги, недавно покоренные нами и еще не забывшие вкуса римской власти.

Они выбрали второй путь. И это стало началом войны.

Я тогда был в Риме. Закончился мой срок консульства, и я готовился принять проконсульство в Галлии — той самой Галлии, что состояла из Цизальпинской и Нарбонской провинций, узкой полосы земли между Альпами, Роданом и морем. Мне донесли, что Гельветы готовятся пройти через Провинцию. Я не стал ждать ни подтверждений, ни решений Сената, ни указаний. Я понял: если они пройдут, они опустошат Провинцию, как опустошают саранча поле, а затем осядут где-нибудь на западе, у самой границы наших земель, и станут для нас незаживающей раной. Этого я допустить не мог.

Я выехал из Рима той же ночью. Я мчался без остановок, меняя коней на каждой станции, не чувствуя ни усталости, ни холода. Я прибыл в Дальнюю Галлию так быстро, как только мог, и в Женеву, стоящую на самом берегу Лемана, где Родан вытекает из озера, явился раньше, чем многие из тех, кто жил ближе меня. В Провинции стоял только один легион. Я немедленно велел набирать новые войска по всей округе и сломал мост на Родане, что соединял Женеву с противоположным берегом, где уже появлялись разезды Гельветов.

Так началась война. Война, которая продлится семь лет, унесет сотни тысяч жизней, изменит судьбу Галлии, Рима и мою собственную. Война, о которой я теперь пишу, чтобы память о ней не умерла вместе со мной.

Глава 3. Поход гельветов

Смерть Ораторикса не погасила огонь, который он зажег. Напротив, она придала этому огню новую силу, ибо нет лучшего топлива для общего дела, чем кровь вождя, павшего, как верят, от руки врагов. Гельветы, уже сжегшие свои города, уже собравшие телеги и скот, уже отдавшие все свое достояние одной великой цели, не могли остановиться. Они шли вперед, потому что путь назад был уничтожен их собственными руками.

Они сожгли двенадцать городов и около четырехсот сел. Я говорю об этом снова, потому что эта картина — горящие дома, поднимающиеся к небу столбы дыма, плачущие женщины, уводящие детей от огня — стоит перед моими глазами до сих пор. Они сожгли все, что не

могли унести. Они уничтожили запасы хлеба, оставив себе лишь три месяца провианта. Три месяца — это срок, за который они рассчитывали пройти через всю Галлию и достичь новых земель. Они не учли одного: Галлия — не пустая равнина, и путь через нее — это путь через земли многих племен, каждое из которых будет либо другом, либо врагом, либо добычей.

С ними пошли Бойи — племя, жившее за Реном, которое некогда перешло в Норик, осаждало там город Норею, но, потерпев неудачу, присоединилось к Гельветам. Бойи были сильным и диким народом, закаленным в бесконечных скитаниях, и их присутствие в общем обозе усиливало войско, но вместе с тем увеличивало число ртов, которые нужно было кормить.

Перед Гельветами лежали две дороги. Я уже упоминал о них, но теперь расскажу подробнее, ибо выбор пути решил все.

Первая дорога вела через земли Секванов, узким проходом между горой Юрой и рекой Роданом. Это не дорога в нашем понимании — не вымощенная камнем и размеченная мильными столбами, а едва заметная тропа, выходящая по горным склонам. Местами она так узка, что две телеги не разъедутся, а встречный путник должен прижаться к скале, пропуская другого. В таких местах сотня решительных воинов может сдержать целую армию, сбрасывая камни сверху и не давая ни развернуться, ни построиться. Даже без защитников проход этот труден: камни осыпаются под ногами, река шумит где-то глубоко внизу, а над головой висят такие кручи, что солнце заглядывает в ущелье лишь на несколько часов в день.

Вторая дорога шла через нашу Провинцию. Там Родан во многих местах проходим вброд, особенно в летние месяцы, когда вода спадает. Дороги, построенные римлянами, широки и удобны, и по ним войско с обозом может двигаться вдвое быстрее, чем по горным тропам. Там жили Аллоброги — племя, недавно покоренное нами, получившее от Рима законы, подати и покой, но еще не забывшее прежней свободы. Гельветы рассчитывали, что Аллоброги, несмотря на подчинение Риму, в глубине души остались Галлами и не станут чинить им препятствий. А если и станут — что ж, у Аллоброгов были земли, хлеб и скот, и все это могло стать добычей.

Гельветы выбрали вторую дорогу. И этот выбор стал искрой, из которой разгорелась война.

Я находился в Риме, когда мне донесли о передвижениях Гельветов. Донесение пришло от легата, которого я оставил в Провинции, и от Аллоброгов, которые, почуяв беду, слали гонцов одного за другим. Они писали: гельветы снялись с места, идут к Родану, скупают лошадей и повозки, требуют пропуска через земли Аллоброгов. Тревога в Провинции росла, и нужно было действовать немедленно.

Я не стал созывать Сенат и дожидаться его решения. Сенат заседал в Риме, а война назревала на Родане, и между ними лежали сотни миль, горы, реки и время, которого у меня не было. Я выехал из Рима в ту же ночь. Я не взял с собой ни свиты, ни обоза, ни лишней вещи — только нескольких всадников, сменных лошадей и решимость. Я мчался днем и ночью, останавливаясь лишь для того, чтобы сменить коня. Дороги летели под копытами, города мелькали как тени: Флоренция, Бонония, Мутина, Генуя. Я перевалил через Апеннины, спустился к морю, проехал через Лигурию, где на каждом шагу меня могли подстеречь разбойники, и наконец достиг берегов Родана.

В Женеву я прибыл так быстро, что весть о моем приезде опередила меня лишь на день. Женева стояла на самом краю озера Лемана, у истока Родана. Это был городок Аллоброгов, но в нем уже стоял римский отряд, и римский чиновник вершил дела от имени Рима. С правого берега на левый вел мост — единственная переправа на много миль вокруг. Я приказал немедленно сломать этот мост. Солдаты работали всю ночь, и к утру деревянные балки плыли вниз по течению, унося с собой надежду Гельветов на легкий переход.

В Провинции стоял только один легион — десятый. Я знал этот легион еще по Испании, знал его солдат и центурионов, знал, чего они стоят. Но один легион против целого народа —

это горсть песка против волны. Поэтому я велел немедленно набирать войска по всей Провинции, призвать в строй ветеранов, поселенных на землях Аллоброгов, вооружить всех, кто мог держать оружие, и собирать их к Женеве. Одновременно я послал гонцов в Цизальпинскую Галлию с приказом легионам, стоявшим в Аквилее, готовиться к походу через Альпы.

Тем временем Гельветы отправили ко мне посольство. Это был первый раз, когда я говорил с ними напрямую, и этот разговор я запомнил навсегда.

Послами были Намей и Верудоктий — знатнейшие мужи Гельветов, люди зрелого возраста, с достоинством и твердостью в голосе. Они вошли в мой лагерь, разбитый у обломков моста, и обратились ко мне с речью, которая была коротка, но ясна. Они сказали, что Гельветы не замышляют ничего против римского народа, что они вынуждены покинуть свои земли из-за тесноты и постоянной угрозы со стороны Германцев, что они просят позволения пройти через Провинцию мирно, без вреда для полей, городов и жителей, и что иной дороги у них нет.

Они говорили, а я смотрел на них и думал. Я вспомнил, как гельветы под началом консула Кассия разбили римское войско и заставили его пройти под ярмом — величайший позор, какой только может постигнуть римского солдата. Я вспомнил, что гельветы — народ воинственный, гордый и не знающий меры в победе. Я вспомнил, что если пропустить их через Провинцию, то как ни клянись они в мирных намерениях, войско, проходящее через чужие земли, всегда оставляет за собой голод, разрушения и обиды. А если они осядут где-нибудь на западе, у самой границы наших владений, то Риму придется вечно держать там войско и вечно ждать набега.

Я не сказал им ни да, ни нет. Я сказал: «Мне нужно время подумать. Дайте мне несколько дней, и я сообщу свое решение. Если вы хотите получить ответ, приходите в Иды апреля». Я произнес это спокойно и вежливо, как того требует обычай, но внутри у меня уже созрело решение. Время, о котором я просил, было нужно мне не для раздумий, а для дела.

Пока Гельветы ждали, я со своим легионом и с набранными в Провинции войсками провел укрепленную линию от Леманского озера до горы Юры — девятнадцать миль вала и рва. Я расставил на ней караулы и посты, разместил в ключевых местах стрелков и пращников, подвез запасы дротиков и камней. Эта линия перекрыла единственный удобный путь вдоль реки. Теперь, чтобы пройти через Провинцию, Гельветам пришлось бы либо штурмовать укрепления, либо искать обход через горы, где их ждали снега и скалы.

В Иды апреля они пришли снова. На этот раз послов было больше, и лица их были мрачны. Они уже поняли, что я тянул время, и в их глазах читалась обида — обида людей, которых обманули. Я принял их стоя, окруженный своими офицерами, и сказал слова, которые, как я знал, определят все.

«Передайте своему народу, — сказал я, — что не в обычае римского народа пропускать через свои земли вооруженное войско. Ваши предки убили консула Кассия и заставили римское войско пройти под ярмом. Мы помним это. Если вы хотите войны, вы получите войну. Но если вы сложите оружие и будете искать мира, я выслушаю вас. А пока — не пытайтесь перейти Родан. Ибо если попытаетесь, я буду отражать силу силой».

Гельветы не отступили. Они были упрямы, как упрямы бывают люди, сжегшие за собой все мосты. Они начали переправляться через Родан — на плотках, на связанных бревнах, вброд, там, где река мелела, днем и ночью, в разных местах. Но мои воины стояли наготове. Из-за укреплений они осыпали переправляющихся стрелами и дротиками, сбрасывали камни, кололи копьями тех, кто поднимался на берег. Несколько раз гельветы почти прорывались, но каждый раз их отбрасывали с потерями. Они потеряли сотни людей, не продвинувшись ни на шаг.

Тогда, убедившись, что через Провинцию им не пройти, они повернули на север, к той самой узкой тропе между Юрой и Роданом, о которой я говорил. Но тропа была закрыта для них — не камнями, а людьми. Думнорикс, тот самый Думнорикс, с которым Оргеторикс делил мечту о царстве, сдержал свою часть уговора. Он уговорил Секванов пропустить Гельветов

через их земли. Он был своим человеком среди Секванов — щедрым, красноречивым, влиятельным. Он был женат на дочери Орбеторикса, а кровь, как я уже говорил, для Галлов значит больше, чем клятвы. Секваны согласились.

И Гельветы двинулись в обход. Они прошли через земли Секванов, вышли к землям Эдуев и начали их опустошать. Эдуи, союзники римского народа, послали ко мне гонцов с мольбой о помощи. Амбарры, родственное Эдуям племя, тоже прислали послов. Аллоброги, чьи земли граничили с землями Гельветов, бежали ко мне целыми селами, жалуясь, что у них не осталось ничего, кроме голой земли.

Я видел, что настало время действовать. Нельзя было больше ждать, наблюдать и ограничиваться обороной. Нужно было выйти навстречу Гельветам, ударить их в открытом поле и разбить так, чтобы навсегда отбить охоту к переселениям. Я оставил укрепления у Женеви под началом легата Лабиена и поспешил в Италию. Там, в Цизальпинской Галлии, я набрал два новых легиона, присоединил к ним три, стоявшие в Аквилее, и с пятью легионами двинулся через Альпы.

Переход через Альпы — это само по себе война. Горы встречали нас снегом, бурями, обвалами. Дороги вились по краю пропастей, лошади скользили на льду, мулы срывались в бездну вместе с поклажей. Местные племена — Центроны, Граиоцелы, Катуриги — пытались остановить нас на перевалах, устраивали засады, скатывали камни, перегораживали путь засеками. Но легионы шли вперед, сметая все препятствия. На седьмой день я спустился в область Воконтов, что лежит уже в Дальней Провинции, затем прошел через землю Аллоброгов и наконец вышел за Родан, к Сегузианам — первому племени, живущему вне пределов римской власти.

Теперь я стоял на земле Галлии с пятью легионами. За моей спиной были Альпы, впереди — вся страна, охваченная тревогой и слухами. А где-то там, среди опустошенных полей Эдуев, двигался огромный караван Гельветов — триста шестьдесят восемь тысяч душ, мечтающих о новой родине.

Я отправил к ним разведчиков. И стал ждать первого шага.

Глава 4. Первая встреча

Когда я стоял у сломанного моста в Женеве, глядя на темные воды Родана, уносящие обломки дерева, я еще не знал, чем обернется это противостояние. Война — как река: никогда не знаешь, куда она повернет, где встретит препятствие, где выйдет из берегов. Можно строить укрепления, собирать войска, готовить припасы, но первый удар всегда остается загадкой. И вот, когда Гельветы прислали ко мне послов, я впервые увидел их вблизи — не в донесениях лазутчиков, не в рассказах купцов, а живых людей, стоящих передо мной с достоинством, которое дается только тем, кто привык повелевать.

Послами были Намей и Верудоктий. Это были знатнейшие мужи Гельветов, из тех родов, что ведут свое происхождение от древних царей. Они были немолоды, но крепки телом, с обветренными лицами, на которых годы и войны оставили свои следы. Одежды их были просты, но не бедны: плащи из грубой шерсти, застегнутые бронзовыми фибулами, кожаные пояса с серебряными бляхами, на руках — массивные браслеты, какие носят у Галлов только вожди. Они не кланялись, не падали ниц, не выказывали страха. Они говорили со мной как равные с равным, и это, признаюсь, вызвало у меня невольное уважение.

Их речь была короткой и ясной, как и подобает людям, привыкшим к делу, а не к пустословию. Они сказали, что Гельветы не ищут войны с римским народом. Они сказали, что их поход — не вторжение, а переселение, вынужденное теснотой их земель и постоянными набегами Германцев. Они сказали, что просят лишь одного: позволить им мирно пройти через Провинцию, не трогая ни полей, ни городов, ни жителей. Они сказали, что иной дороги у них нет.

Они говорили правду — или то, что казалось им правдой. Но я слишком хорошо знал историю, чтобы поверить им на слово. Я помнил, как в год консульства Луция Кассия и Марка

Антистия Гельветы напали на римское войско, убили самого консула и заставили уцелевших солдат пройти под ярмом. Этот позор врезался в память Рима, как шрам, который не заживает. И пусть с тех пор прошло много лет, пусть сменились поколения — Гельветы остались теми же воинственными и гордыми людьми, а римляне — теми, кто не забывает обид.

Я смотрел на Наменя и Верудоктия и думал: если я пропущу их, что они оставят после себя? Войско, проходящее через мирные земли, всегда оставляет за собой полосу голода и разрушений, как саранча оставляет за собой пустыню. Даже если сами вожди захотят удержать своих людей от грабежа, они не смогут этого сделать: триста тысяч голодных ртов — это сила, которую невозможно контролировать. А если они осядут где-нибудь на западе, у самой границы наших владений, то Рим получит беспокойного соседа, который в любой момент может напасть на Провинцию, как нападали их предки на войско Кассия.

Поэтому я не дал им ответа. Я сказал: «Мне нужно время, чтобы обдумать вашу просьбу. Приходите в Иды апреля, и я сообщу вам свое решение». Я говорил это спокойно и вежливо, как того требует обычай, но внутри у меня уже все было решено. Время, о котором я просил, было нужно мне не для раздумий, а для дела. Я тянул его, как полководец тянет время перед битвой, ожидая подхода резервов.

Пока Гельветы ждали моего ответа, я развернул лихорадочную деятельность. В Провинции стоял только один легион — десятый, тот самый, что я знал еще по Испании, легион, на который я мог положиться как на самого себя. Но один легион против целого народа — это ничто. Поэтому я велел немедленно набирать войска по всей Провинции: призывать ветеранов, поселенных на землях Аллоброгов, вооружать всех, кто способен держать оружие, собирать ополчение из городов и сел. Гонцы мои скакали день и ночь, и вскоре к Женеве начали стягиваться отряды со всей округи.

Одновременно я отправил приказ в Цизальпинскую Галлию легионам, стоявшим в Аквилее, готовиться к походу через Альпы. Я знал, что рано или поздно мне понадобятся эти войска, и хотел, чтобы они были готовы выступить в любой момент.

Но главное, что я сделал за эти дни, — это укрепленная линия от Леманского озера до горы Юры. Это был ров и вал высотой в шестнадцать футов, протянувшийся на девятнадцать миль. На валу я расставил караулы, через равные промежутки — посты, а в ключевых местах — отряды стрелков и пращников, которые могли осыпать переправляющихся через реку дождем стрел и камней. Эта линия перекрывала единственный удобный путь вдоль Родана. Теперь Гельветы не могли пройти через Провинцию, не штурмуя укреплений, а штурм укреплений — это уже война.

В Иды апреля они пришли снова. На этот раз послов было больше, и лица их были мрачны. Они уже поняли, что я тянул время, и в их глазах читалась та особая обида, какую испытывают люди, которых перехитрили. Они стояли передо мной, и я видел, как за их внешним спокойствием кипит гнев.

Я принял их стоя, окруженный легатами, центурионами и знатными Галлами из Провинции. Я не сел, не предложил им сесть. Я дал понять, что разговор будет коротким.

«Передайте своему народу, — сказал я, — что не в обычае римского народа пропускать через свои земли вооруженное войско. Ваши предки убили консула Кассия и заставили римских солдат пройти под ярмом. Мы помним это, и мы не забываем. Если вы хотите мира, сложите оружие и уходите туда, откуда пришли. Если же вы попытаетесь перейти Родан, знайте: я буду отражать силу силой, и никто не сможет упрекнуть меня в том, что я первым начал войну».

Я замолчал. Наступила тишина, та особая тишина, какая бывает перед бурей. Послы смотрели на меня, я — на них. Я видел, как напряглись их лица, как побелели костяшки пальцев, сжимающих посольские жезлы. Они поняли, что просьба их отвергнута, что дорога через Провинцию закрыта, что впереди у них — либо горы, либо война.

Они не стали спорить. Они поклонились — сдержанно, не опуская глаз, — и ушли. Я смотрел им вслед и знал: теперь все решено. Гельветы не повернут назад. Они сожгли свои города, им некуда возвращаться. Они пойдут вперед — либо через горы, либо через реку, либо через наши укрепления. И если они пойдут через реку, их встретят наши стрелы.

Ждать пришлось недолго. Уже на следующую ночь дозорные доложили, что на противоположном берегу Родана замечены огни. Гельветы начали переправу.

Это была упорная, отчаянная борьба. Гельветы переправлялись на плотках, на связанных бревнах, на кожаных мешках, надутых воздухом, вброд, там, где река становилась мельче. Они шли днем и ночью, волна за волной, как прибой, накатывающий на скалы. Но мои воины стояли на укреплениях, и каждый раз, когда Гельветы подходили к берегу, их встречал ливень стрел и дротиков. Тех, кто все же выбирался на сушу, кололи копьями, сбрасывали обратно в воду, топили в темных водах Родана. Река уносила тела, и утром я видел, как они плывут вниз по течению — то поодиночке, то целыми грудями, зацепившись друг за друга.

Несколько раз Гельветы почти прорывались. Они находили слабые места в нашей обороне, переправлялись там, где мы не ожидали, и бросались в рукопашную. Но каждый раз резервы, которые я держал наготове, подходили вовремя и отбрасывали их обратно. Десятый легион сражался с той яростью, которая отличает старых солдат от новобранцев. Я видел, как седые центурионы, потеряв щиты, брали в обе руки мечи и шли в атаку, увлекая за собой молодежь. Я видел, как солдаты, раненные по два, по три раза, не уходили с вала, пока их не сменяли. Это была не битва, а резня, и в этой резне Рим показал, что его границы умеют защищаться.

Гельветы потеряли тысячи. Сколько именно — никто не считал, потому что многих унесла река, и тела их нашли покой где-нибудь в далеком море. Оставшиеся в живых отступили, мрачные и злые. Их гордость была уязвлена. Они поняли, что через Провинцию им не пройти.

Тогда они повернули на север, к той самой узкой тропе между Юрой и Роданом, о которой я упоминал. Тропа была закрыта для них — не скалами, а людьми. Секваны, под влиянием Думнорикса, согласились пропустить их. Думнорикс был Эдуем, но имел огромное влияние у Секванов: он был женат на дочери Оргеторикса, он был щедр, красноречив, а главное — ненавидел Рим. Эта ненависть, тлевшая в его душе, как уголь под пеплом, заставила его сделать то, что он сделал. Он убедил Секванов не мешать Гельветам, он провел их через горы, он открыл им путь в самое сердце Галлии.

Так Гельветы обошли мои укрепления. Они вышли к землям Эдуев и начали опустошать их с той жестокостью, какую проявляют кочевники, вырвавшиеся на беззащитную равнину. Эдуи, союзники римского народа, слали ко мне гонцов одного за другим, умоляя о помощи. Амбарры, родственное Эдуям племя, тоже прислали послов. Аллоброги, чьи земли граничили с землями Гельветов, бежали ко мне целыми селами, жалуясь, что у них не осталось ничего, кроме голой земли. Я видел этих беженцев: они шли по дорогам Провинции, грязные, оборванные, с плачущими детьми на руках, и в глазах их был страх, какой бывает у людей, увидевших смерть слишком близко.

Я понял: настало время действовать. Нельзя было больше сидеть у Женевы и смотреть, как Гельветы грабят наших союзников. Нужно было выйти навстречу им, ударить их в открытом поле и разбить так, чтобы навсегда отбить охоту к переселениям.

Я оставил укрепления у Женевы под началом легата Лабиена — человека, в котором я был уверен, как в самом себе, — и поспешил в Италию. Там, в Цизальпинской Галлии, я набрал два новых легиона, присоединил к ним три, стоявшие в Аквилее, и с пятью легионами двинулся через Альпы. Переход был трудным: горы встречали нас снегом и бурями, местные племена устраивали засады, дороги были так узки, что обозы могли двигаться только в одну лошадь. Но легионы шли вперед, сметая все препятствия. На седьмой день я спустился в область Воконтов,

затем прошел через землю Аллоброгов и наконец вышел за Родан, к Сегузианам — первому племени, живущему вне пределов римской власти.

Теперь я стоял на земле Галлии. За моей спиной были Альпы, впереди — вся страна, охваченная тревогой. А где-то там, среди опустошенных полей Эдуев, двигался огромный караван Гельветов, и я должен был настичь его, прежде чем он достигнет земель Сантонов, откуда до нашей Провинции будет рукой подать.

Я отправил разведчиков вперед. И стал ждать первого донесения.

Глава 5. Союз Думнорикса

Теперь я должен рассказать о человеке, чье имя еще не раз появится на этих страницах, ибо судьба связала нас крепче, чем мне бы того хотелось. Думнорикс, брат Дивитиака, Эдуй. Если бы Галлия породила только одного такого человека, она могла бы считаться опасной. Но она породила десятки, и в этом была ее сила и ее проклятие.

Я впервые услышал о Думнориксе задолго до того, как увидел его. Мне рассказывали, что он молод, красив, щедр до расточительности, красноречив до того, что люди плачут, слушая его речи, и честолюбив до безумия. Он происходил из знатнейшего рода Эдуев, племени, которое Рим издавна называл своими братьями и союзниками. Его старший брат Дивитиак был верным другом Рима, человеком мудрым и осторожным, который понимал, что союз с нами — единственное спасение для его народа. Думнорикс думал иначе. Он ненавидел Рим. Ненавидел не за обиды, не за поражения, не за утраченные земли — а за само существование наше. Он видел в Риме силу, которая рано или поздно поглотит Галлию, и этой силе он не желал уступить ничего.

Оргеторикс, о котором я писал в предыдущей главе, разглядел в Думнориксе родственную душу. Он отдал ему в жены свою дочь — этим браком он связал их не только клятвой, но и кровью. Для Галлов нет уз крепче, чем родственные: кто породнился, тот стал частью семьи, а семья — это все. Оргеторикс обещал Думнориксу власть над Эдуями, и Думнорикс поверил, потому что давно мечтал об этой власти. Он мечтал о ней так, как мечтает узник о свободе, как мечтает изгнанник о возвращении домой. Царская власть над сильнейшим племенем Галлии — это была бы первая ступень к власти над всей страной. А там, кто знает, может быть, и к тому, чтобы вышвырнуть Рим за Альпы.

Когда Гельветы, отброшенные от моих укреплений у Родана, повернули на север, перед ними встали Секваны. Их земля лежала между горой Юрой и рекой, и узкий проход через нее был единственной тропой, по которой многочисленное войско с обозом могло пройти, не углубляясь в горы. Секваны не хотели пропускать Гельветов. Они боялись их, и не без оснований: войско, проходящее через чужие земли, всегда берет больше, чем ему дают. Но Думнорикс взялся устроить дело. Он поехал к Секванам, говорил с их старейшинами, раздавал деньги, дарил подарки, обещал поддержку Эдуев. Он был настойчив, и он добился своего. Секваны согласились пропустить Гельветов через свои земли. Так гора Юра, которая могла стать непреодолимой стеной, стала открытой дверью.

Гельветы прошли. Они вышли к землям Эдуев и начали их грабить. Эдуи, союзники Рима, слали ко мне гонцов с мольбами о помощи. Амбарры, родственное Эдуям племя, прислали послов. Аллоброги бежали ко мне целыми селами, и их рассказы были полны ужаса: поля выжжены, деревни сожжены, люди уведены в рабство, те, кто сопротивлялся, убиты. Я видел этих беженцев — они шли по дорогам Провинции, неся на руках детей и стариков, и в глазах их стоял тот особый страх, который оставляет после себя война.

Я понял, что не могу больше ждать. Гельветы шли к землям Сантонов, что лежали у самой границы нашей Провинции. Если они осядут там, они станут нашими соседями. Воинственные, озлобленные, закаленные в битвах, они будут вечно угрожать нашим землям, и Провинция превратится в крепость, которую придется оборонять вечно. Этого я допустить не мог.

Я оставил укрепления у Женевы под началом легата Тита Лабиена — человека, в котором я был уверен, как в самом себе, ибо мы вместе прошли через многое, и я знал его преданность и его военный талант. Сам же я поспешил в Италию. Мне нужны были легионы, и я знал, где их взять. В Цизальпинской Галлии я набрал два новых легиона, присоединил к ним три, стоявшие в Аквилее, и с пятью легионами двинулся через Альпы.

Переход через Альпы — это само по себе испытание, о котором стоит рассказать отдельно. Горы встречали нас снегом, хотя уже наступало лето. Дороги вились по краю пропастей, таких глубоких, что дна их не было видно из-за облаков. Лошади скользили на льду, мулы срывались в бездну вместе с поклажей, солдаты шли, прижимаясь к скалам, чтобы не сорваться. Местные племена — Центроны, Граиоцелы, Катуриги — пытались остановить нас на перевалах: они скатывали сверху камни, устраивали засады, перегораживали путь засеками из срубленных деревьев. Но легионы шли вперед, сметая все препятствия. Я не давал врагу ни дня передышки, атакуя его там, где он меньше всего ожидал. На седьмой день мы спустились в область Воконтов, что лежит уже в Дальней Провинции. Затем я прошел через землю Аллоброгов и наконец вышел за Родан, к Сегузианам — первому племени, живущему вне пределов римской власти.

Теперь я стоял на земле Галлии с пятью легионами. Это была сила, с которой можно было начинать войну. Но я понимал, что одной силы мало. Нужно было знание — знание местности, знание племен, знание их вождей и их слабостей. И здесь мне пригодилось то, чему я научился за годы, проведенные в Галлии и в Риме: умение слушать, умение расспрашивать, умение видеть за словами то, что хотят скрыть.

От разведчиков и от союзных Галлов я узнал, что Гельветы уже прошли через земли Секванов и теперь опустошают земли Эдуев. Я узнал, что их обоз растянулся на много миль, что они двигаются медленно, потому что везут с собой все имущество, женщин, детей и стариков. Я узнал, что их войско огромно, но не обучено, что их вожди спорят между собой, что среди них нет единого командующего. И я узнал, что во всех этих событиях замешан Думнорикс.

Эдуи прислали ко мне послов. Это были знатнейшие люди племени, и среди них — Дивитиак, брат Думнорикса. Дивитиак был моим старым знакомым: он приезжал в Рим, выступал в Сенате, искал помощи против Секванов и Ариовиста, германского вождя, осевшего в Галлии. Он говорил по-латыни с легким акцентом, но свободно, и его речь была речью человека, привыкшего размышлять и взвешивать слова. Он был другом Рима, и я знал, что на него можно положиться. Но он был братом Думнорикса, и это делало его положение мучительным.

Эдуи просили меня о помощи. Они говорили: «Наши поля опустошены, наши города под угрозой, наши дети уведены в рабство. Если ты не поможешь нам, мы погибнем. Ты называешь нас братьями и союзниками — докажи это делом». Я слушал их и понимал, что не могу отказать. Дело было не только в сострадании. Если бы я бросил Эдуев на произвол судьбы, все племена Галлии увидели бы, что Рим не защищает своих друзей, и тогда союзы, которые мы строили годами, рухнули бы в один день. А это значило бы, что рано или поздно враг пришел бы к самым воротам Провинции.

Я решил действовать. Но прежде чем выступить, я должен был понять, с кем имею дело. Я послал лазутчиков в земли Эдуев, велел им разузнать все о передвижениях Гельветов, о их настроениях, о их вождях. И я пригласил к себе Дивитиака для тайного разговора.

Мы встретились ночью в моем лагере, когда все огни уже погасли и только часовые перекликались у ворот. Дивитиак пришел один, закутанный в темный плащ, как человек, который боится, что его увидят. Я принял его в своей палатке, отослал слуг и велел никого не впускать. Мы сидели друг против друга, и между нами стояла лампа, бросавшая на стены дрожащие тени.

Я спросил его прямо: «Твой брат помог Гельветам пройти через земли Секванов. Он ненавидит Рим и мечтает о власти. Что ты скажешь мне, Дивитиак?»

Он долго молчал. Я видел, как борются в нем любовь к брату и долг перед Римом, преданность семье и понимание того, что я уже знаю все. Наконец он поднял на меня глаза, полные слез, и сказал: «Я знаю, что мой брат виновен. Знаю, что он замышляет то, о чем ты говоришь. Но прошу тебя, Цезарь, пощади его. Не ради него — ради меня. Если ты накажешь его, все подумают, что это я предал его, что я донес на родного брата. Я стану предметом ненависти всей Галлии, и даже мой собственный народ отвернется от меня. А я этого не переживу».

Он плакал, не скрывая слез, и эти слезы были красноречивее любых слов. Я смотрел на него и думал. Думнорикс был опасен, это я понимал ясно. Его следовало арестовать, судить, а может быть, и казнить. Но его брат был мне нужен. Дивитиак был тем мостом, который связывал Рим с Эдуями, а через них — со всей Галлией. Если этот мост рухнет, война станет куда труднее. К тому же я понимал, что Галлы непременно поднимут шум, если я накажу Думнорикса без явных доказательств, а явных доказательств у меня не было — только слова, только подозрения, только тайные сведения.

Я решил пощадить Думнорикса. Но я не был настолько наивен, чтобы оставить его без присмотра. Я приставил к нему людей, которые должны были следить за каждым его шагом, каждым словом, каждой встречей. Я вызвал его к себе и говорил с ним так, как говорят с человеком, которому дают последний шанс. Я сказал ему, что знаю о его замыслах, знаю о его связях с Оргеториксом, знаю о его ненависти к Риму. Я сказал, что прощаю его ради брата, но что впредь не прощу ничего. Я сказал, что отныне он будет под моим наблюдением, и пусть благодарит богов, что остался жив.

Думнорикс выслушал меня молча. Он не отрицал ничего, не оправдывался, не просил прощения. Он только опустил глаза и кивнул, как кивает человек, который знает, что проиграл этот раунд, но не считает игру оконченной. Я видел это в его взгляде — ту упрямую, холодную решимость, которая не гаснет от поражений, а лишь крепнет. Тогда я понял, что этот человек еще доставит мне беду. И не ошибся.

Так я пощадил Думнорикса ради Дивитиака. Теперь, оглядываясь назад, я спрашиваю себя, правильно ли я поступил. Многие скажут, что я должен был казнить его на месте и тем избавить себя от будущих бед. Возможно, они правы. Но я не казнил его — и это тоже было решение полководца. Ибо в войне важно не только уничтожать врагов, но и сохранять друзей. А Дивитиак был мне другом, и я не мог оттолкнуть его.

После этого разговора я отдал приказ выступить. Пять легионов вышли из лагеря и двинулись на север, туда, где Гельветы грабили земли Эдуев. Впереди шли разведчики, за ними — конница, потом пехота, и наконец обоз, который тянулся на мили. Я ехал впереди войска, в красном плаще, который уже стал символом римской власти в Галлии. Солдаты видели меня, и это придавало им уверенности. Они знали, что их полководец ведет их на врага, который недавно заставил римское войско пройти под ярмом. Они знали, что пришло время мести.

Я же думал о другом. Я думал о том, что Гельветы огромны числом, что они отчаяны и храбры, что их ведет не жажда наживы, а инстинкт выживания. Такой враг опасен вдвойне. Чтобы победить его, нужно было не просто встретить его на поле боя, но и переиграть в маневре, в скорости, в хитрости. Нужно было навязать ему сражение там, где он слабее, и избежать сражения там, где он силен. Нужно было использовать все — местность, время, погоду, раздоры между вождями, страх, гордость, усталость.

Война — это шахматная доска, на которой каждая фигура имеет свою цену. Я знал это. И я начинал партию, в которой на кону стояла не только Галлия, но и сама судьба Рима.

Глава 6. Эдуи просят помощи

Когда пять легионов перешли Родан и вступили на землю Сегузианов, я впервые ощутил ту особую тишину, какая бывает в стране, по которой прошла война. Не тишину леса или поля, а ту, что наступает после криков, после плача, после топота тысяч ног и ржания коней. Это была тишина опустошения. Деревни, мимо которых мы проходили, стояли пустые, с выбитыми две-

рями и провалившимися крышами. Поля были вытоптаны, колодцы завалены, на перекрестках валялись сломанные телеги и издохшие лошади, над которыми кружили стаи ворон. Людей не было видно — только изредка из леса выходили одичавшие псы, с рычанием глядевшие на наши колонны.

Так выглядела земля Эдуев, союзников римского народа, когда я вступил на нее в начале лета. Так выглядит любая земля, по которой прошло войско, не знающее пощады. Гельветы не были жестоки от природы — они были отчаяны. Народ, сжегший свои дома и вышедший в путь с женщинами и детьми, не может позволить себе сострадания. Ему нужно кормить своих, обогревать своих, защищать своих. И все, что встречается на пути, становится либо добычей, либо препятствием. Препятствия же устраняются просто: огнем, мечом, уводом в рабство, смертью.

Эдуи прислали ко мне посольство. Это было не просто посольство, а крик о помощи, облеченный в слова. Послы явились в мой лагерь, разбитый на берегу реки, и бросились мне в ноги, по обычаю, который Галлы соблюдают, когда речь идет о жизни и смерти. Среди них были знатнейшие люди племени — седые вожди в расшитых плащах, молодые воины в боевых украшениях, жрецы с посохами, украшенными бронзовыми кольцами. Но все они — знатные и простые — говорили одно.

«Цезарь, — говорили они, — мы всегда были верны римскому народу. Мы не поднимали оружия против тебя, мы не замыслили зла, мы не призывали врагов. И вот что мы получили за свою верность. Наши поля вытоптаны, наши дома сожжены, наши дети уведены в рабство. Города наши под угрозой, и если ты не поможешь нам, мы погибнем. Не дай погибнуть своим братьям. Докажи, что Рим умеет защищать тех, кто ему верен».

Они говорили, и я видел, что они не лгут. Их лица были серы от усталости и страха, руки дрожали, одежды покрыты пылью дорог. Это были не дипломаты, прибывшие торговаться, а беженцы, у которых за спиной дымились родные пепелища. Их отчаяние было подлинным, как подлинным было и их возмущение. Потому что если Рим не защищает союзников, то зачем тогда нужен Рим?

Вслед за Эдуями пришли Амбарры — племя, родственное Эдуям, жившее по соседству. Их послы говорили то же самое, и на лицах их была та же печать обреченности. А затем явились Аллоброги — те, что уцелели от гельветского нашествия. Они не просили, а требовали мести. Они говорили, что у них не осталось ничего, кроме голой земли, что их села сожжены, что их родные убиты или уведены, что если я не остановлю Гельветов, то вскоре та же участь постигнет и Провинцию. И они были правы.

Я собрал военный совет. Легаты, центурионы, знатные Галлы из Провинции — все сидели в моей палатке, и я видел по их лицам, что они думают. Одни считали, что нужно немедленно атаковать, ударить всей силой и покончить с Гельветами одним ударом. Другие советовали осторожность, говорили, что войско Гельветов огромно, что их отчаяние удесятряет силы, что лучше отступить и выждать. Третьи предлагали перерезать их пути снабжения, лишить их хлеба и воды, заставить их повернуть назад. Все говорили разное, но все ждали моего решения.

Я слушал их, и перед моими глазами стояла картина: огромный караван, растянувшийся на мили, с женщинами, детьми, стариками, телегами и скотом. Этот караван был одновременно силой и слабостью Гельветов. Силой, потому что им некуда отступать, и они будут драться до последнего. Слабостью, потому что обоз сковывает движение, делает войско медленным и уязвимым, и если ударить в нужное время и в нужном месте, его можно разбить наголову.

Но прежде чем атаковать, нужно было понять, где сейчас находятся Гельветы, куда они идут, где их слабые места. Я отправил конницу вперед, поручив ей не только разведать, но и тревожить врага: нападать на его обозы, отбивать скот, уводить лошадей, сеять панику. Конница моя была невелика — около четырех тысяч человек, набранных из Аллоброгов и других

племен Провинции. Но это были хорошие всадники, знавшие местность и привыкшие к мелким стычкам.

Вскоре разведчики донесли, что Гельветы переправились через реку Арар и движутся на юг, к землям Сантонов. Арар — река необычная: она течет так медленно, что глаз не может определить направление течения. Гельветы переправлялись через нее на плотам и связанных бревнах, и переправа заняла несколько дней. Их обоз был так велик, что когда первые телеги уже катились по южному берегу, последние еще только подходили к северному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.